

ОБ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ КОНСОНАНТИЗМА БОЛГАРСКОГО ГОВОРА С. ОРЕХОВКА БОЛГРАДСКОГО Р-НА ОДЕССКОЙ ОБЛ.

О. Н. Пейчева (Одесса)

В диалектах болгарского языка (как переселенческих, так и метрополии) существует значительное количество еще не открытых и не изученных фонетических, грамматических и лексических особенностей. Они различны по характеру, значению и территориальному распространению, но представляют большой интерес, поскольку раскрывают новые стороны болгарского языка в целом. Некоторые из них помогают объяснить отдельные моменты исторического развития болгарского языка и даже проясняют более общие проблемы славянского и общего языкознания. Все еще остается актуальным замечание Ст. Стойкова о том, что "една от важните днешните задачи на българската диалектология е да издирва и проучва такива особености, като ги представя колкото е възможно по-цялостно във основа на богат, разнообразен и напълно достоверен материал" (Стойков, 1962, с. 13).

В предлагаемом сообщении исследуются особенности системы консонантизма, связанные с функционированием и субституционными заменами консонантов "х" и "в" переселенческом болгарском говоре юга Украины. Говор с. Ореховка (Пандаклия) Болградского р-на Одесской обл. - один из говоров, которые еще не изучены и не описаны. Между тем он обладает рядом интересных особенностей, в частности фонетических, связывающих его не только с другими болгарскими диалектами, но и с диалектами других славянских языков.

Без сомнения, наиболее яркие особенности говора связаны с поведением этимологического "х" в различных фонетических позициях. Строго говоря, фонема <х> в исконных словах основного словарного фонда полностью отсутствует. Репрезентирующий ее звук [х] обнаруживается лишь в заимствованиях позднего времени:

химия, хлопат (рус. хлопают), архитѣктър, технѳлѳг,
кѳхня (наряду с исконным кѳуна) и т. д.

В начале слова этимологический "х" перед гласными и сонорными согласными регулярно и без исключения выпадает:

ѳмбар (хамбар), л'ѳп (хляб), рѳн'ѳ (храня),
ѳтър (хитър), ил'ѳда (хиляда), ѳра (хора), урѳ (хоро),
ѳбуѳ (хубаво), уртѳвам (хуртувам) и т. д.

Это же явление наблюдается и в интервокальной позиции:
муѳ, муѳ (муха, мухи), леѳса (лехуса), б'ѳа (бяха),

в суффиксах глаголов прошедшего времени:

ритнаа (ритнаха), правиа (правиха), играа (играха) и др.

В середине слова между гласными и согласными отмечен переход $x > \lambda$:
исѣна (исѣхна), играїми (играхме), думаїми (думахме),
лѣгнаїми (лѣгнахме), идаїми (ядохме) и т. д.

На конце слова в формах I лица ед. числа аориста нет распространённого в болгарских говорах перехода $x > \phi$, а отмечен в данной позиции звук [y]:

играу (играх), п'ау (пях), купау (копах),
тъкау (тъках), плѣтау (плетох) и др.

В говоре с Ореховка фонема "в" также является нестабильной, часто заменяемой. Губо-зубной звук [в] отмечен примерно в 10% слов с этимологическим "в". Например: в'ара, вїну, вѣлна, винчїлу, вѣжди и др. Естественно, что он обнаруживается и в позднейших заимствованиях из русского языка: витиринар, вакса, вазалин, вакзал и др. Однако основным вариантом фонемы "в" в изучаемом диалекте является билабиальный [w], обнаруживаемый и в других восточноболгарских говорах и являющийся остатком староболгарской звуковой системы, в которой он также имел, вероятно, билабиальный характер. (См. Добрева Д., 1985, с. 545). В некоторых случаях отмечены позиционные варианты [i] и [y], который, возможно, произошёл из [w].

[w] сохраняет свой билабиальный характер в позиции перед сонорными в начале слова:

врѣми, врана, врѣштам, врат, врѣва, врѣдзвам, ври.

Эта же тенденция наблюдается и в заимствованиях. Нами отмечено: внимат'алну (рус. внимательно), вручавам (рус. вручаю).

Однако часты случаи полного выпадения начального консонанта в словах на в-: ол (вол), ѓдя (вода), їми (виме), сїчки (всїчки), сїкуи (всїкой).

Элизия данного консонанта отмечается и в середине слова, особенно в интервокальном положении:

затѡр'ау (затворих), дѡр (двор), бїул (бивол), чїчуу (чичово),
дядуу (дядово) и др., а также в заимствованиях:
сабк (рус. совок), суинїр (рус. сувенир) и др.

В середине слова в суффиксах I лица ед. числа аориста отмечен звук [i]: забраї'ѣу (забравих), напраї'ѣу (направих) и т. д.

На конце имен прилагательных м. р. вместо распространённого оглушения ($v > \phi$) нами отмечен только звук [y]:

дїу, красїу, мърдзалиу, страулиу, адинакау и т. д.

Не происходит оглушения и перед глухими согласными:

слѣнчуука, укарва, слиука, лаука, а также
утѡрник (рус. вторник).

Закономерно, что звук [ф] также отсутствует в консонантном облике

исконных слов и не входит в основной фонемный фонд, употребляется исключительно в позднейших заимствованиях типа физика, фара, ферма, фирма. В исконных словах не месте этимологического "ф" как правило отмечается звук [в]: вилия (филия), витил (фитил), кова (кофа), грава (графа) и т. д.

Иногда это явление распространяется и на заимствованные слова. Например, варкулица (рум. фъркулица), вабрика (рус. фабрика), асвалът (рус. асфальт) и др.

В интервокальном положении также отмечена элизия данного консоната:

чаут'ан (чафутян), картѳи (картофи) и соответственно картѳити и картѳјана мандѳа.

Как и в литературном языке, в говоре употребляются антропонимы Тѳдур и соответственно Тѳдурца, Танас и Танасца, однако в именах, усвоенных говором в позднейшее время, [ф] сохранился: Фѳня, Фрѳся и др.

Субституция "ф" отмечается и в самом топониме: Пандаклия (фандѳк-тур. "орех").

В исследуемом говоре систематически отмечается отсутствие начального протетического [j]. Например:

ябълка (ябълка), икугълѳу (якуглав), ицѳе (яйце), идѳсвамсѳ (ядѳсвам се), ивѳявамсѳ (явѳявам се) и др.

Обобщив полученные результаты, можно утверждать, что <х> и <ф> в исследуемом говоре имеют крайне ограниченную дистрибуцию и их место в консонантной системе минимально, поэтому они могут быть отнесены к периферийному (неосновному) фонемному пласту.

Нестабильность и низкая степень адаптации в говоре фонемы <ф>, по нашему мнению, вызвана не только ее иноязычным происхождением в славянских языках, но и особенностями исследуемой частной диалектной системы, отсутствием в ней фонологической оппозиции консонанту "в" по звонкости-глухости, т. к. для говора типичным является произношение на конце слова и в позиции перед глухим согласным звука [y].

Фонема <в> также имеет ограниченную дистрибуцию и является нестабильной. Позиционными вариантами фонем <х> и <в> выступают звуки [i] и [y]. Отмечается также и полное выпадение звука, особенно в интервокальном положении, что, по мнению Л. Э. Калнынь и Т. В. Поповой, означает, что вокальная артикуляция оказывается сильнее, чем консонантная, и как бы вытесняет последнюю. (См. Калнынь, 1993, с. 108). Утрата согласных в интервокальном положении в исследуемом говоре имеет регулярный характер и не является произносительным вариантом, свойственным лишь спонтанной быстрой речи, как это характерно для некоторых других болгарских говоров. (См.: например, Калнынь, 1993, с. 108). Как ослабление консонантной артикуляции в

говоре можно рассматривать и спирантизацию, а иногда и полное выпадение взрывных согласных (не только [в] и [ф], но и [д], [г]: например: ка^wун, но^{wa}, саро^wу, намлайти (на младите), бу^гродица (богородица), сиа (сега), моа (мога) и др., а также дейотацию гласных.

Перечисленные особенности фонетической модели слова в исследуемом говоре могут быть отнесены к числу синтагматических проявлений, характерных для языков вокалического типа по классификации А. Исаченко (Исаченко, 1963, с. 115). По этой классификации типологический знак имеет не только статическую форму в виде системы фонем, их количества и соотношения, но и динамическую - в виде правил развертывания звуковой цепи. Динамический знак может быть разным в зависимости от того, отдается ли при построении звуковой последовательности приоритет вокальным или консонантным элементам. По нашему мнению, такими динамическими знаками для языков и диалектов вокалического типа, кроме утраты согласных в разных позициях, тенденции к сокращению двойных согласных (см. Исаченко, 1963, с. 116) можно считать и спирантизацию взрывных согласных, а также их замену неслогообразующими гласными. В исследуемом говоре нами обнаружены все указанные способы упрощения консонантного состава словоформы. Имея в виду "шкалу нарастания консонантных признаков", предложенную Р. Ф. Пауфошима (Пауфошима, 1983, с. 50-51), по которой наиболее яркими консонантными признаками обладают глухие согласные (смычные и фрикативные), затем — сонанты, представляется закономерной нестабильность именно заднеязычного глухого [x] и смычных [в] и [ф], которую можно рассматривать как повышение признака вокальности в звуковой цепи. Именно такая ситуация характерна для консонантной синтагматики описываемого говора.

Литература

1. Добрева Д. Сонорът w в един тулчански говор в Северна Добруджа (съпоставителна характеристика с други източнобългарски говори) // Български език, Год XXX, 1985, кн. 6, с. 545-547.
2. Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике, вып. 2, Москва, 1963.
3. Калънъ Л., Попова Т. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой среды // Исследования по слав. диалектологии, вып. 2, Москва, 1993, с. 5-190.
4. Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. — Москва, 1983.
5. Стойков С. Към диалектния консонантизъм на българския език // Български език, 1963, кн. 1-2, с. 1-17.